

— Ты точно хочешь выйти замуж?

— Я уверена!

— Разве ты не слушаешь отца?

— Отец, не вини меня!

— Отец не винит тебя, во всем виноват отец-бездарь!

Тан Цзин не смог сдержаться, из его глаз потекли слезы. Дочь разочаровалась в нем, дочь предпочла выйти замуж за какого-то старика за шестьдесят, перестав в него верить. В этом заключался его провал как отца.

Цинь Тянь больше ничего не сказала. Она не стала собирать вещи, оставила десять серебряных монет, данных стариком, подхватила на руки дочерей-близняшек и ушла вслед за стариком.

К этому дому она не испытывала никакой привязанности: мать исчезла, муж сбежал, а отец к тому же ленив. Если бы она осталась, то не говоря уже о том, что голодала бы сама, две ее дочери рано или поздно тоже были обречены на гибель.

Тан Цзин тоже ничего не сказал. Глядя, как дочь выходит за дверь, он не мог поделать ничего, кроме как чувствовать бессилие и утирать слезы.

С самого детства Тан Цзин считал себя необыкновенным человеком. Эта интуиция и привела его на путь лодыря: любовь к развлечениям, лень, праздность — именно так он и прожил все эти годы.

Он интуитивно чувствовал, что в тридцать лет у него пробудятся силы, но, к сожалению, чуда не произошло, и он остался таким же слабым, как и прежде.

— Судьба!

Глядя на десять серебряных монет на столе — по сути, плату за проданную дочь, — стоило ли их тратить?

Потратить?

Сердце кровью обливается!

Не тратить?

Живот сводит от голода!

Цинь Хунлань не объявлялась уже целый месяц, и домашних запасов зерна хватало ровно на этот месяц. Теперь же котел остался пустым.

В чане нет риса!

В кувшине нет масла!

И как же быть?

— А-а-а!

Тан Цзин воззвал к небу, кровь ударила ему в голову, отчего в глазах потемнело и он чуть не рухнул на землю.

Будучи слабым, что еще оставалось делать, кроме как злиться да жаловаться на судьбу и небеса?

— О?

Тан Цзин вдруг почувствовал покалывание между пальцами.

— Неужели я и впрямь необыкновенен?

Едва эта мысль мелькнула в его голове, он указал пальцем в потолок.

Вух!

Там мгновенно образовалось отверстие.

— Да ну?

Дыхание Тан Цзина участилось, сердце заколотилось. Если он и вправду настолько крут, неужели жизнь так и пойдет под откос?

— Надо попробовать еще раз!

Радость радостью, но сначала следовало убедиться наверняка.

Вух!

И правда, появилось еще одно отверстие.

— Ха-ха, этот старик и впрямь необычаен!

Тан Цзин сжал кулаки, охваченный безумным восторгом, и забормотал про себя: «Я дождался! Этот старик наконец-то дождался! Оказывается, я и вправду не простой смертный, неужели неспроста у меня в голове вечно роились столь нереалистичные мысли — сила и желания идут рука об руку!»

В этот момент на душе у Тан Цзина полегчало.

Все эти годы он только и делал, что роптал на небеса: раз уж они сделали его заурядным и бессильным, то почему не позволили стать тупицей, который умеет только есть да работать?

Но что в итоге?

Тан Цзин страшно мучился: в голове полно идей, а воплотить их нет никаких способностей; в животе вечно пусто, а он целыми днями думает о несбыточном.

— Ладно, пока не буду забивать себе голову, сначала надо наесться!

Тан Цзин тряхнул головой. Сейчас в доме шаром покати, и если не придумать выход, две любимые дочурки поднимут крик.

— Ладно, раз уж дочь решила выйти замуж, пусть катится!

Взглянув на десять серебряных монет, Тан Цзин передумал звать дочь обратно, потому что в ней он тоже разочаровался.

Спрятав десять серебряных монет, он немного подумал и решил временно заняться охотой ради пропитания.

В окрестных горах водились фазаны, дикие кролики и вепри. Тан Цзин пару раз сталкивался с ними, но раньше поймать их не удавалось. Теперь же, обретя кое-какую силу, он как раз мог попытать счастья.

Пока Тан Цзин ходил туда-сюда, проголодавшиеся от игр дочки вернулись домой обедать. Обнаружив, что дома никого нет, сестрички устали друг на друга во все глаза.

Вторая дочь Цинь Хун и третья дочь Цинь Бин, сестрички, были такими же лентяйками, как и их отец Тан Цзин: домашнюю работу делать не желали, а целыми днями только и знали, что играли.

Пока Цинь Хунлань была дома, она держала хозяйство в руках и кое-как сводила концы с концами, заставляя всю четверку трудиться. Теперь же, когда она исчезла, все пустились во все тяжкие: старшая нянчилась с детьми, а две младшие целыми днями пропадали на гулянках, наслаждаясь жизнью в полную силу.

— Малышка Хун, дома, что ли?

Соседка Цзоу Фэй с улыбкой заглянула в гости, держа в руке кусочек пирожного.

— Старшая тетушка!

Увидев Цзоу Фэй, сестрички тут же обступили ее, желая заполучить угощение.

— Ну-ка, поделите на двоих.

Цзоу Фэй разломила пирожное пополам и протянула девчушкам.

— Спасибо, старшая тетушка!

Цинь Хун не стала церемониться: в животе урчало, она протянула руку и сразу принялась за еду.

Цинь Бин тоже хотела угощения, но ей было неловко тянуть руку, и она лишь стыдливо поглядывала на пирожное.

— На, ешь!

Цзоу Фэй поднесла лакомство прямо к ее рту, и та, улучив момент, с готовностью открыла рот.

Пирожное было небольшим, и сестрички умяли его в два счета. Они жалобно уставились на Цзоу Фэй, выпрашивая добавки.

— А ну-ка, скажите тетушке, вкусно?

Цзоу Фэй притянула к себе Цинь Хун и ласково обняла.

— Вкусно!

На лице Цинь Хун сияла улыбка, она и не думала скромничать — ее желание получить еще было более чем очевидно.

Глядя на эту маленькую обжорку, Цзоу Фэй страшно обрадовалась и с улыбкой произнесла: — Хочешь еще? Будет тебе еще. Но только слушайся: что тетушка скажет, то и делай. Тогда у тебя будут не просто пирожные, а большие яблоки, большие ананасы и мясо — каждый день!

— Правда? — на лице Цинь Хун отразилось вожделение. Большие яблоки и ананасы она пробовала всего раз в жизни, но вкус был настолько восхитительным, что вспоминался до сих пор!

Что же до мяса, то она не ела его уже несколько месяцев, и при одной мысли о нем у нее текли слюнки.

Глядя на эту маленькую ненасытную дурочку, Цзоу Фэй кивнула и с улыбкой подтвердила: — Конечно! Кроме этого, будет еще сок, очень вкусный.

Цзоу Фэй изобразила на лице такое блаженство, что у девчушек тут же потекли слюнки.

— Только запомни: надо слушаться. Не будешь слушаться — ничего не получишь.

Цзоу Фэй бросила взгляд на фигуру Цинь Хун — та уже начала округляться. Если удастся все обстригать, она сможет выручить немалые деньги.

За сватанье Цинь Тянь она получила две серебряные монеты. Стоило учесть, что за день чернорабочим платят всего десять медных монет, а за серебряный рубль нужно отдать аж сто медных — это равняется двадцати дням тяжелого труда, так что сделка была крайне выгодной.

Цинь Тянь уже рожала ребенка, а за нее дали выкуп всего в десять серебряных монет, из которых ей перепало две в качестве посреднических. Цинь Хун же — честная девушка на выданье, за нее дадут по меньшей мере пятьдесят серебряных, и в случае успеха ей обломится около десятка.

Цинь Хун была неразумной и прожорливой, так что она беспрекословно внимала каждому слову Цзоу Фэй.

В шесть часов вечера Тан Цзин притащил на плече дикого кабана и в отличном настроении вернулся домой.

Стоило ему бросить кабана у порога и переступить порог дома, как Цинь Хун рухнула на

колени и со слезами завопила: — Папа, отпусти меня! Позволь мне выйти замуж, я больше не могу так жить, я хочу хорошей жизни, хочу есть фрукты, хочу есть мясо!

Тан Цзин остолбенел. Он и так был в радостном предвкушении, но подобный фокус от дочери застал его врасплох.

— Папа!

— Умоляю тебя!

— Отпусти меня!

— Позволь мне выйти замуж!

— Я больше не могу так тянуть ляжку!

— Как же мне тяжело!

Цинь Хун, с одной стороны, четко следовала инструкциям Цзоу Фэй, а с другой — и впрямь до смерти проголодалась, поэтому рыдала так жалостливо, что Тан Цзин сам расплакался, коря себя за то, что не смог нормально позаботиться о дочерях.

Глядя на дочь, Тан Цзин испытывал острую боль в сердце, но понимал, что сейчас любые слова бесполезны — на первом месте стоял ужин.

Тан Цзин пошел за кухонным ножом, намереваясь отрезать немного свинины, чтобы снести соседям и обменять на соль с рисом для приготовления вечерней трапезы.

— Папа!

Увидев, как отец берется за нож, Цинь Хун смертельно испугалась.

— Не убивай меня!

— Папа, отпусти!

— Папа, я виновата!

— Это старшая тетушка научила меня так говорить!

— Я не хочу замуж!

— Папа, не убивай меня!

Цинь Хун дрожала всем телом, перепугавшись не на шутку, а от голода у нее кружилась голова.

Тан Цзин тут же отбросил нож в сторону: какое там приготовление ужина, успокоить дочь было куда важнее.

— Доченька!

— Ты неправильно поняла папу.

— Папа просто собирался приготовить ужин для моей малышки!

— Папа очень любит тебя!

— Ну-ка, иди к папе на ручки!

Тан Цзин попытался прижать к себе дочь, и та не стала сопротивляться. Он вынес дочурку на крыльцо, чтобы показать ей огромного кабана.

— Видела?

— Папа сейчас сварит тебе свинины.

— Папа любит тебя!

Тан Цзин легко похлопал дочь по спинке, и та постепенно пришла в себя.

— Папа!

Из комнаты вышла Цинь Бин. Она выглядела сонной, только что проснувшись.

— Малышка Бин, подожди чуть-чуть, папа очень быстро состряпает ужин.

Тан Цзин бросил взгляд на младшую дочь и, заметив ее увядший вид, почувствовал, как сердце сжимается от жалости.

По правде говоря, из трех дочерей младшую он любил сильнее всех, потому что старшая и средняя уже с семи-восьми лет начали отдаляться от него, недолюбливать, а порой не только пререкались, но и объединялись с Цинь Хунлань против него: морили голодом и подливали воду в его постель, из-за чего он не знал, плакать ему или смеяться, и горько страдал.

Цинь Хун перестала плакать и капризничать. Тан Цзин отрезал немного свинины, отнес соседям, выменял на рис и соль, после чего принялся застряпню.

Лень его была лишь ленью, но готовить он умел, так что дело пошло быстро, и спустя час вся семья уселась за стол.

Обе доченьки давно зверски проголодались. Миски они даже не помыли — схватили первые попавшиеся грязные тарелки и принялись за еду.

Тан Цзин тоже привык к беспорядку, поэтому особо не обратил внимания. Хотя в мыслях и мелькало желание всё исправить, но об этом можно было подумать и завтра!

Мясо в этот раз выдалось на славу ароматным, и рис удался на славу, вот только ели все молча, без особой радости.

Сестрички знали, что старшая сестра вышла замуж, и хотя они не хотели лишней раз забивать этим голову, наевшись досыта, все равно ощутили нахлынувшую грусть. Даже не убрав посуду, они разошлись по комнатам.

Тан Цзин тоже не веселился. Молча перебив посуду, он нарезал свинину крупными кусками и развесил сушиться — он решил, что пора меняться.

Жена сгинула, и если в этом доме некому взвалить ношу на плечи, он перестанет походить на дом.

На следующее утро Тан Цзин поднял дочерей с постели и заставил заняться домашней работой. Он проявил твердость: без этого было нельзя.

Нет, он боялся вовсе не того, что скажут люди, если дочери пойдут под венец невесть как; просто ему самому не хотелось пачкать руки, но и жить в хлеву он не желал, так что оставалось только приучить дочерей к труду.

Когда девочки привели дом в порядок и семья позавтракала, он взял обеих дочерей с собой на охоту.

На данный момент это был единственный способ быстро заработать, куда более выгодный, чем чернорабочим на днюхах.

День пролетел незаметно. Вернувшись во второй половине дня домой, они принесли отличную добычу: с десятков диких кроликов и несколько фазанов, чего с лихвой хватило бы на приличный срок.

— Дома, что ли?

Цзоу Фэй сторожила весь день и, заметив возвращение семейства Тан, тут же прибежала с визитом.

— Тебе чего здесь надо?

Увидев Цзоу Фэй, Тан Цзин пришел в крайнее бешенство. Если бы он не пробудил свои силы, его вторая дочь вот-вот точно так же ушла бы из семьи.

— Ой, Тан Цзин, не хмурься ты так. Девки — отрезанный ломоть, твоя дочь уже вполне может выходить замуж, — Цзоу Фэй решила зайти с козырей, поскольку сегодня кто-то предложил за девчонку аж восемьдесят серебряных монет, пообещав ей сверху еще двадцать. Это была просто баснословная цена!

— После таких слов у тебя совесть вообще не болит? — Тан Цзин заскрежетал зубами и холодно бросил: — Ты тогда изо всех сил старалась пристроить мою старшую дочь в зятя, и чем все кончилось? А теперь пришла портить жизнь моей второй дочурке. Думаешь, меня можно безнаказанно третировать?

<http://bllate.org/book/19302/1889164>